Муж, жена, любовница

Автор:
Олег Рой

Муж, жена, любовница

Олег Юрьевич Рой

Маскарад в королевском замке Амбуаз на берегу Луары, устроенный для туристов из разных стран, был в самом разгаре, когда к Юлии Земцовой подошел официант и протянул плотный белый конверт. Она подумала, что это очередная просьба сфотографироваться с ней, королевой бала, на память. Если бы знала Юлия, что содержит этот конверт, никогда не открывала бы! Содержимое его круто изменило жизнь, заставило судьбу течь совершенно по другому руслу…

Олег Рой

Муж, жена, любовница

Тот, кто был богат, стал беден.

Кто был беден, стал богат.

Брат за океан уедет —

Завтра будет новый брат.

Евгений Сабуров

Глава 1

Квартира, которую она так долго искала, оказалась на краю города, где-то за станцией метро «Войковская», в обычном панельном доме. С торца длинной многоэтажки был пристроен отдельный вход с симпатичным новым козырьком, и, когда женщина, уже под вечер, наконец увидела его, он показался ей долгожданным, желанным пристанищем. Холодный и резкий, даже для середины ноября, ветер гнал по московским улицам снежную крупу; его порывы хлестали ее по лицу, секли ледяной крошкой, и она на минуту вдруг забыла, что делает здесь совершенно одна, в этом неуютном месте, под хмурыми небесами холодного, чужого ей теперь города… Прерывисто вздохнув и совладав наконец со своими чувствами, загнав боль и страх в глубину души, Юлия осторожно поднялась по скользким белым ступенькам и позвонила.

Сюда, к дому, у которого она теперь стояла, ее привело только упрямство, присущее ей от природы. Еще недавно вполне уверенная в себе, эта хрупкая симпатичная тридцативосьмилетняя блондинка, своим всегдашним благополучием неизменно вызывавшая скрытое раздражение у друзей, теперь ощущала себя словно замороженной – будто все ее чувства находились под анестезией, за которой последует операция, на счастливый исход которой не оставалось надежды. В этот вечер – как, впрочем, и во все предыдущие мрачные вечера этого периода ее жизни – Юлии было все равно, куда идти и с кем разговаривать. Она разыскала это место точно на автопилоте, по старой привычке, свойственной ее характеру, – что-то делать, куда-то стремиться, надеяться в любой ситуации и действовать, действовать, действовать… И тогда – кто знает? – вдруг ей повезет? Повезет, как той лягушке, попавшей в кувшин со сливками. Если шевелить лапками быстро-быстро, то из сливок собьется масло, а это уже что-то твердое – это опора. На этом можно стоять. Бог знает, сработает ли в ее случае эта древняя притча, с которой она мысленно живет вот уже полгода, или спасения нет и мир ее катится в тартарары. Но все равно она будет пытаться…

Юлия вздрогнула, услышав ворвавшийся в ее невеселые мысли мелодичный звонок. Он свидетельствовал о том, что ее услышали и ей открыли – она увидела большое помещение без прихожей, на пороге которого стояла высокая молодая женщина с приветливым лицом. «Такими раньше были пионервожатые», – пронеслось у Юлии в голове, и, стряхнув оцепенение, она смело шагнула вперед.

Внутри пахло свежим ремонтом. По левой стене располагались вешалки, середину комнаты занимали кресла, а у окна стоял большой стол. Помещение напоминало небольшую учебную аудиторию. Это и был тот самый Клуб, куда пригнали ее отчаяние и одиночество. Клуб московской общественной организации совершенно особого, пугающего рода – клуб ВИЧ-инфицированных.

Юлия оставила шубку на вешалке и, незаметно скользнув к дальней стене, села в последнем ряду. Надо было оглядеться, освоиться в незнакомой атмосфере. В комнате уже сидели какие-то люди – в основном молодежь – в свитерах и джинсах; у стены грудой лежали рюкзачки. Юная пара что-то оживленно обсуждала между собой; лица у юноши и девушки были бледные, болезненные, но, как ни странно, веселые. Дама, похожая на администратора клуба средней руки, рассказывала седому очкарику какие-то захватывающие сплетни про Министерство здравоохранения, а он слушал ее с усталой улыбкой; в руках мужчина держал старый и донельзя потертый портфель. Мгновенно окинув взглядом всю эту картину, достаточно мирную и обыденную, Юлия немного успокоилась и почувствовала, как что-то оледеневшее внутри чуть оттаяло и чуть потеплело.

Зал понемногу заполнялся, всех попросили пересесть поближе к столу, и Юлия повиновалась. В конце концов она оказалась рядом с девушками, почти подростками, которые, как ей показалось, были ровесниками ее детям. Интересно, старше или моложе моей Ксюши, мелькнуло у нее в голове. Юлия по старой и неискоренимой привычке все еще делила всех молодых людей на тех, кто был старше или моложе ее ребят.

Началась лекция о новых лекарственных препаратах. Все, о чем говорила лектор, полная пожилая женщина, профессор медицинского института, практически было уже известно Юлии от ее старинного друга доктора Гены, как она его называла. Именно он в свое время и сообщил ей о диагнозе – и слава богу, что это был он, потому что Гена помог ей справиться с тем ужасом и безысходностью, которые охватили ее. С тех самых пор Юлия, оглушенная и самим диагнозом, и тем, что случилось позже, находилась в странном состоянии заторможенности, приглушенности всех чувств, которое сама она мысленно с горькой иронией называла анабиозом. Может быть, поэтому доктор Гена и настоял на визите своей пациентки в Клуб – визите, который он гордо именовал «новым выходом в люди».

У женщины-лектора была грамотная речь и прекрасно поставленный голос, и Юлия, не особенно вникая в смысл слов, стала все больше успокаиваться от одного звука ее речи, и доброжелательной и энергичной, бесстрастно освещающей проблему, ставшую в последние полгода для Юлии главным в жизни. До этого она, как и все, разумеется, слышала о СПИДе и о жертвах «чумы двадцатого века», но все эти «ужастики» существовали как бы параллельно ее собственной жизни и никакого отношения лично к ней не имели. Уж она-то, коренная москвичка, счастливая жена и мать семейства, никак не могла отнести себя к группе риска…

Вдруг Юлия поймала себя на том, что не в состоянии ни что-либо записывать, ни сосредоточиться на том, что говорит лектор. Внутренний холод делал ее внимание рассеянным, а мозг – вялым, и она не могла удержать нить мысли. Чтобы хоть чем-то заняться, она исподволь стала разглядывать зал. Вот напряженно, приоткрыв рты в сосредоточенном внимании, слушают профессора девушки рядом с ней. Наивные, усмехнулась Юлия, еще на что-то надеются… Вот что-то сосредоточенно строчит в блокноте пожилой мужчина. А вот и сама лектор – профессор Анкудинова; ну, с ней все ясно: специалист, медик, инфекционист, опыт, знание языков… Она в курсе всех новинок фармацевтики, всех современных разработок; она применяет эти новинки на практике и видит результаты. Солидный научный авторитет. Но даже она смотрит на проблему без особого оптимизма. Случаи. Статистика. Возможности ремиссии. Слова умные и ученые. А за ними скрывается страшная истина, точнее, только одно – выхода нет. Нет его, понимаете?!

У Юлии сжалось сердце от безумной тоски. В мгновение ока она лишилась с таким трудом достигнутого равновесия. Боль и отчаяние снова охватили ее, и в который раз за эти месяцы она подумала: а может быть, легче просто закрыть на все глаза и прекратить борьбу?

«Господи, помоги мне», – прошептала она про себя, вспомнив, сколько сил потратил доктор Гена, уговаривая ее посетить Клуб. А сколько сил отняло у нее самой намерение собраться с духом и все-таки прийти в это место. И вот, пожалуйста, опять расстроилась, потеряла весь свой былой природный оптимизм и мысленно хнычет над своей судьбой… – Смилуйся надо мной, господи, не дай мне сдаться. Ничего исправить уже нельзя. Можно только успокоиться и ждать…

Юлия знала, что теперь до конца жизни – до которого, вероятно, совсем недолго – она будет в постоянной борьбе с ВИЧ-инфекцией в своем теле. Хуже было то, что ей уже казалось, будто ужасная болезнь поселилась не только в ее плоти, но и в душе, в мозгу, в само?м ее сознании… «Прекрати немедленно, – мысленно одернула она себя. – Нельзя же замыкаться, сосредоточиваться только на себе. Посмотри: тут сидят люди, такие же, как ты, с той же самой проблемой и еще гораздо моложе тебя – им бы только жить да жить!» А гадкий внутренний голос эгоистично нашептывал: это их счастье, что они моложе; лекарство от СПИДа вряд ли найдут в ближайшее время, и даже если найдут лет через пять, то молодые, быть может, дождутся. А вот ты, если и доживешь, будешь уже такой развалиной, что вряд ли сможешь выдержать тяжелый курс лечения…

«Черт подери, неужели действительно все? – уже в который раз подумала Юлия. – Пожила, повеселилась на этом свете, сходила замуж, родила двоих детей, построила два дома. И все?»

Почему-то именно этой ночью, перед самым походом в Клуб, она поняла, что больна серьезно и безнадежно. Что жизнь уже никогда не будет прежней, веселой и праздничной, по-человечески естественной и понятной, а впереди – больницы, мучения, отчуждение окружающих, всеобщий остракизм и вечная жалость к самой себе – не жизнь, а пытка, сплошные потери. И главная утрата – потеря свободы. Свободы всего – выбора, передвижения. Она – человек с ограниченными жизненными возможностями. А внешне такая же, как и вчера, – все еще красивая, еще легкая, еще живая. К этой мысли привыкнуть невозможно…

Она снова погрузилась в свои горести, уже привычно отчитывая себя за эгоизм: «Какая мешанина, какие глупости у меня в голове и какая я плохая. Грешная, непоследовательная, трусливая… Ну ладно, пусть я действительно такая. А как же все остальные? Они тоже плохие – все до единого? И эти юные создания тоже совершили смертные грехи? И заразились потому, что любили кого-то? Если я наказана за свою неосмотрительность, то эти дети – за что?»

Лекция заканчивалась. Слушателям раздали листочки с расписанием заседаний Клуба, с рекомендациями по новой диете, с адресами новых фондов, которые они могут посетить. А Юлия, вынырнув из мысленной беседы с самой собой, продолжала разглядывать публику. В ответ на нее, кареглазую, хрупкую, обаятельную блондинку со стрижкой каре, тоже посыпались неприкрыто заинтересованные взоры, но она решила пока не вступать ни в общий разговор,

ни знакомиться.

От природы Юлия была человеком веселым и энергичным. Однако глубокая депрессия последних месяцев привнесла в ее характер и поведение черты, ранее ей несвойственные, – настороженность, замкнутость, стремление уединиться, спрятаться, как улитка в своей раковине, и теперь она не торопилась обрести новых знакомых. Быть может, она опасалась того, что, бросившись сейчас от одиночества на первую попавшуюся приманку дружбы, она будет вынуждена потом долго тянуть лямку, в общем-то, ненужных ей отношений. А впрочем, почему вынуждена? В этом-то, в выборе друзей и знакомых, она, слава богу, все еще свободна, сказала сама себе Юлия. Может выбрать наперсника, а может встать, повернуться и уйти.

В другой комнате, куда их пригласили пройти, горел мягкий нижний свет, зеленел экзотическими водными растениями большой аквариум, удобные диваны манили в свои объятия, а на журнальных столиках стояли чашки ароматного чая с печеньем. Во всем чувствовалось стремление хозяев создать приятную обстановку и поддержать пришедших сюда людей. Но уже одно это стремление, так явно бросающееся в глаза, невольно напоминало всем о той проблеме, которая свела вместе таких разных мужчин и женщин. Конечно, это не казенные стены больницы, но все же – увы, подумалось Юлии – вполне служебное помещение, хоть и нового типа. Общая атмосфера, невзирая на все старания организаторов, казалась ей безнадежно унылой, и женщина тихонько вздохнула, невольно вспомнив о том, каким бывает настоящий уют.

Не торопясь садиться за столик, Юлия огляделась. Она так давно не выходила из дома и не видела новых людей, что сегодня чувствовала себя путешественницей по опасным джунглям. Однако же ничего по-настоящему опасного вокруг пока не наблюдалось. Девушки, которых она приметила еще на лекции в зале, сидели в дальнем углу и оживленно болтали с двумя зрелыми дамами и мужчиной средних лет. Юная пара по-прежнему кротко выясняла отношения… Какие они все милые, с чуть преувеличенной восторженностью отметила про себя Юлия. Неужели это будет своего рода семья – сообщество ее новых друзей? На всякий случай она решила сесть поближе к двери, чтобы в любое время можно было уйти – удрать, если ей этого захочется.

Пришла ведущая, собранная и строгая девушка в очках – психолог, работающий в Клубе. Объявила, что будет проводить групповое занятие, которое продлится не менее двух часов. Юлия отпила глоток душистого фруктового чая и, мельком

взглянув на часы, подумала: не смыться ли? Она – и групповое занятие?! Да это же просто смешно. С давних, еще студенческих времен она не участвовала ни в каких групповых мероприятиях. А впрочем, что ей еще остается делать? Времени полно. Обязанностей никаких. Да и замечательный доктор Гена советовал ей побыть в Клубе подольше. Юлия взяла себя в руки и осталась на месте, хотя невольно проверила взглядом, не заперта ли дверь и свободен ли путь к отступлению.

Все происходящее казалось ей случайным и нелепым эпизодом, таким же, как все последние месяцы ее существования. Но случилось так, что Юлия запомнила этот обучающий семинар по СПИДу на всю жизнь.

Когда девушка-психолог заговорила, стало ясно, как она еще молода. Однако плавная речь, грамотно построенные фразы и умение держаться перед аудиторией выдавали в ней человека духовно зрелого и вполне опытного.

– Давайте познакомимся, – приветливо начала она. – Сегодня наше первое занятие в этом сезоне.

– Да мы уже знакомы, – раздался шутливый молодой голос.

– Знакомы, но не со всеми. Некоторые здесь впервые. Итак, начинаем?

– А чай допить можно?

– Хорошо, еще десять минут на чай.

Если эта тягомотина продлится и дальше, домой я никогда не попаду, промелькнуло у Юлии в голове. Она и сама не знала, куда торопилась, но раздражение и беспокойство в последнее время стали для нее едва ли не основными эмоциями.

Зазвенели чашки, люди стали быстро убирать посуду со столиков, освобождая их для бумаг и карандашей. Чувствуя радостную готовность и настрой окружающих, Юлия решила высидеть до конца занятий. Кто знает, а вдруг?..

– У нас сегодня будет ролевая игра, тренинг на психологическую выносливость и умение работать в команде. Сначала – несколько вводных слов, объяснение для новичков, установка. Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Ведь все вы потеряли очень многое – семью, друзей, профессию. И, как вы уже успели узнать, государство почти ничего не делает для вас, хотя существует закон, в идеале обязывающий общество оказывать вам помощь. Однако, к сожалению, от вас отмахнулись все. Поэтому ваша задача – выстоять самостоятельно, в одиночку выдержать борьбу за себя, за свое здоровье. И вот благодаря Клубу у нас есть возможность проводить эти занятия. Сегодня – как и каждую среду в течение вот уже двух лет…

– Довольно, Жанночка, довольно рекламы! – раздался из угла комнаты смеющийся, нетерпеливый молодой голос. – Не томи, расскажи быстрее про игру.

– Я уже сказала, у нас сегодня ролевая игра. Для удобства мы сейчас разделимся на группы по пять-семь человек. В игре несколько этапов. Первый – приключение на Луне.

Юлия плохо поняла правила игры. Нужно было взять с собой на Луну вещи, чтобы идти пешком семьдесят пять километров по солнечной стороне и столько же по теневой. Какие именно предметы необходимо взять в дорогу? Каждый должен оценить нужность выбранных вещей в баллах… На Юлию нашла тупость, какое-то интеллектуальное одеревенение. Она, всегда такая практичная и сообразительная, не могла произвести никаких расчетов и выкладок в воображаемой ситуации. «Что ж я так переживаю, ведь это не более чем игра, – уговаривала она себя. – Может, я от природы тупая? Вот пусть психолог со мной и поработает…»

– Начинаем второй этап, – продолжала тем временем взрослая девочка-психолог. – Согласуйте со всей командой, что именно вам надо взять с собой в дорогу. Решение выносите коллективно. Если хоть один из команды будет не согласен, то баллы за этот предмет себе не засчитывайте.

Юлия оглядела команду. Семь человек, сплошь случайные люди. Три молодых парня, две юные девушки, какой-то тип лет сорока пяти и она. Господи, ну и команда! Однако все, кроме нее, явно уже были знакомы между собой.

– Сначала надо выбросить спички, – авторитетно заявил самый старший. – На Луне ведь нет кислорода.

– А зачем тогда кислородный баллон? – спросила черненькая девушка с густой челкой.

– Затем, чтобы тоже выбросить. У нас есть скафандр с полным обеспечением. – Голос старшего звучал уверенно, и Юлии пришлось взглянуть на этого человека хотя бы из вежливости.

Он как будто только и дожидался ее взгляда.

– Представьтесь, пожалуйста, – услышала она низкий голос, почти бас. – Мы все уже бывали здесь и играем не первый раз. А вот вы у нас – лицо новое. Как вас зовут?

– Меня зовут Юлия. Я, честно говоря, плохо разобралась в игре, поэтому не обращайте, пожалуйста, на меня внимания. – Она чувствовала себя почти смущенной, но почему-то это смущение не было для нее обременительным или неприятным.

– А я – Владимир. Молодые люди, прошу и вас тоже представиться.

Все быстро назвали свои имена, которые Юлия, разумеется, тут же забыла. Но Владимира она запомнила. Что-то в нем было, в этом «типе за сорок», как она его окрестила, с внешностью бывалого, много повидавшего человека. Бритая наголо голова, шкиперская бородка. «Не хватает только короткой трубки», – подумала Юлия и принялась мысленно гадать, кем бы он мог быть в прошлой жизни. Инженером оборонки? Физиком в НИИ, электронщиком, короче – сухим технарем? А может быть, военным?..

Игра быстро набирала обороты. Оказалось, что у Юлии самый высокий процент ошибочных решений в группе. Она ничего не поняла из всех этих лунных штучек. Однако все кругом горячо спорили, азартно выкрикивали очки, и Юлия, чувствовавшая себя лишней, решила помолчать, ничем не выказывая своего интереса к происходящему. Суть игры заключалась в том, что игроки должны переубедить друг друга и выработать общее командное мнение; позже подсчитывалось, способны ли люди работать в команде в принципе. Оказалось,

что Юлия сама правильно сориентироваться не смогла (у нее были весьма низкие баллы), но зато она легко поддавалась влиянию и уговорам команды. «Вот такой я русский общинный человек», – пошутила она про себя, а вслух безразличным тоном произнесла:

– Я ничего не понимаю в этой игре, поэтому просто присоединяюсь к большинству.

Владимир взглянул на Юлию поверх листа бумаги. Он, естественно, был лидером этой команды. Взгляд его не был испытующим, но Юлии все равно показалось, что он пронзил ее насквозь, высветил и открыл для всех присутствующих ту холодную пустоту, что воцарилась в когда-то пылкой душе.

– Не понимаю, какое отношение все это имеет к моей проблеме? Это лунное приключение как-то не для меня. Вернее, я не для этого, – попыталась оправдать свое равнодушие Юлия. И тут же одернула себя: с какой стати она должна перед ним оправдываться?

– Вот когда вам будут навязывать мнение где-нибудь в другом месте, тогда и вспомните эту игру, – сказал Владимир.

– Если оно еще будет, другое место, – отозвалась она. – Да и это все ненастоящее… Неужели вам не странно играть в бирюльки, когда настоящая жизнь так сурова?

Он ничего не успел ей ответить – голос ведущей Жанны предложил игрокам сделать перерыв и подсчитать очки.

– Группа, в которой оказался самый сильный лидер, стала ведущей. Ее не смогли остановить никакие препятствия, она прошла сто пятьдесят километров по Луне с наименьшими потерями. После перерыва мы проанализируем результаты всех групп! А пока – десять минут на чай…

– Вы знаете, мне пора, – как-то виновато обратилась Юлия к своей команде. – Было очень интересно, спасибо за игру…

Произнося ничего не значащие, протокольно-вежливые слова и откланиваясь, она думала про себя: «Все, довольно, прочь отсюда! Хватит заниматься глупостями. Я уже сыта ими по горло».

– Во второй части обычно бывают более сложные игры и, уверяю вас, более увлекательные, – попытался было остановить ее Владимир. Но она, наверное, выглядела такой измученной, что он осекся на полуфразе и спросил: – Может быть, вас проводить? Уверен, ваши близкие вас ждут и встречают, но все же… Вы далеко живете?

– Это не имеет значения. Благодарю вас. Провожать меня не надо. – Она сама удивлялась своим холодным фразам, но сейчас ей хотелось только одного: немедленно уйти.

У выхода к Юлии подошла администратор – та самая, которая встречала всех у дверей.

– Вы уже уходите? Возьмите эту брошюрку. Следующая встреча через неделю. Вам у нас понравилось?

– Да, и лекция, и игра, это все очень… интересно.

– А как насчет команды? Она вам тоже понравилась? – Владимир догнал ее у дверей, и неожиданно выяснилось, что ей приходится смотреть на него снизу вверх. Только теперь Юлия заметила, насколько он высок, этот крутолобый, крепкого сложения мужчина. Бритая голова и аккуратно подстриженная короткая бородка придавали ему какой-то уютный, сказочный вид. Как ни странно, если не считать первых и самых последних минут, когда Юлия опять ощутила леденящую тоску, она и в самом деле неплохо чувствовала себя здесь… Юлия не поверила бы, скажи ей сейчас, что несколько минут назад она стремилась во что бы то ни стало покинуть этот дом, как не поверила бы также, если бы кто-то сказал, что именно присутствие стоящего рядом Владимира вдруг смягчило и ослабило ее бесконечную напряженность.

– Команда мне тоже понравилась, – справившись с неожиданным спазмом в горле, призналась она.

– Я провожу вас до такси.

Его голос вновь был решителен и тверд, и она не стала возражать, понимая, что в данном случае это бессмысленно. Попрощавшись со всеми и выйдя за двери Клуба на улицу, почти по-зимнему холодную, Юлия почувствовала, как Владимир властным жестом взял ее под руку.

Какое счастье – выпал снег!

Юлия застыла на высоком крыльце. Погруженные в свои разговоры, за плотными шторами посетители Клуба не видели, что ветер успокоился и начался тихий снегопад. Теперь она с восхищением взирала на белизну первого, нетронутого снега под ногами, на круговерть снежных хлопьев, сверкающих в мягком свете уличных фонарей. Голос Владимира вернул ее к действительности.

– Вам в какую сторону?

– К центру. И как можно быстрее, – мягко освобождаясь от его руки и давая понять, что она торопится и ей не до разговоров, сказала Юлия.

– Я могу позвонить вам, чтобы узнать, как вы доехали?

– Вряд ли это необходимо, – почти скороговоркой произнесла Юлия.

Она посмотрела на Владимира и, сама не понимая своих действий, негромко назвала свой номер телефона. «Что за «тип», – пронеслось у нее в голове, – и зачем я дала ему номер телефона?» И, стараясь справиться с сумятицей чувств, как можно тверже и вежливее произнесла:

– Спасибо за беспокойство, – и повторила: – Вряд ли это необходимо.

Она думала, что Владимир станет возражать ей, но он только улыбнулся и промолвил:

– Тогда до следующей среды. Вы придете еще раз?..

– Не знаю, – честно ответила Юлия.

– Приходите, я буду вас ждать. Нам есть о чем поговорить.

– Постараюсь, – и это снова было совершенно честно с ее стороны. Она вдруг поняла, что действительно постарается прийти сюда на следующей неделе. Вслух тем не менее осторожно пояснила: – Вы ведь знаете, ничего нельзя загадывать заранее…

Рядом притормозила машина, и Юлия нырнула в ее мягкую теплоту, даже не кивнув своему провожатому на прощание.

– Пожалуйста, до Кутузовского, улица Дунаевского.

– За сотню, идет? – весело отозвался шофер.

– Идет, только не гоните. Дорога скользкая.

– Довезу как по воздуху, не сомневайтесь.

Юлия забилась в уголок на заднем сиденье. Она давно уже, с тех самых пор как узнала про свой статус ВИЧ-инфицированной, играла в такую игру: а что будет, если… Если, например, вот этот милый, добрый, как все толстяки, дядька узнает про ее диагноз? Как он поведет себя? Остановится и выгонит из машины, а сам поедет в ближайшую ночную мойку, чтобы продезинфицировать свою тачку? Или, стиснув зубы, все же заработает обговоренную законную сотню, трясясь от страха заразиться?.. А если бы он был ее знакомым, соседом или сантехником, работал бы у нее в доме – что, перестал бы с ней здороваться, общаться? Проклял и заклеймил бы ее как исчадие ада, как сделали некоторые ее знакомые?

Да, с ней бывало уже всякое. Умненькая девочка-психолог, которая так виртуозно сегодня проводила в Клубе игру, наверное, сказала бы, что это тоже положительный опыт. Во всяком случае, теперь Юлия сто раз подумает, прежде чем сообщить человеку о своем диагнозе. Надо будет обсудить это в Клубе в следующий раз. Ага, усмехнулась она своим собственным мыслям, в следующий раз?! Давненько она не планировала ничего даже на неделю вперед…

Шофер лихо зарулил во двор и высадил ее у подъезда. Юлия порадовалась, что не пришлось идти через темную арку, которой она так боялась. Хотя, впрочем, что ей теперь могло угрожать, если она сама носила в себе яд и проклятие!

Подъехал старенький дребезжащий лифт. Поднимаясь в свою квартиру, расположенную на одиннадцатом этаже, Юлия устало откинулась, прислонилась к стенке и прикрыла глаза.

«Наверное, я слишком много думаю, – тоскливо размышляла она, – а надо просто стараться жить дальше. Жить и действовать, не предаваясь пустым и бесплодным мыслям. Вот даже эта игра сегодня – вроде бы пустое, детское занятие, а все же, оказывается, что-то меняет в человеке, пробуждает эмоции, дарит чувство единой команды. Раньше я никогда не задумывалась, что, играя тридцать минут, можно проверить себя на совместимость с другими людьми, на возможность сотрудничества. Да… Надо признаться, что этот поход в Клуб все же как-то повлиял на меня…

Итак, решено: нельзя так много думать о себе, нельзя замыкаться на собственных горестях… – И тут же она возразила самой себе: – А с другой стороны, что мне еще делать? Я всю жизнь думала о других. И чем это кончилось?!»

Юлия открыла дверь своей квартиры и с тоской посмотрела на новую белую мебель прихожей. Разделась, провела расческой по пышным волосам, привычно прошла на кухню. Здесь все в порядке. Правда, кот Маркиз опять оставил нетронутым новый корм. То ли капризничает, то ли недомогает, то ли просто тоскует вместе с хозяйкой. Раньше весь мир казался ей понятным и простым, а теперь вот даже собственного кота она не способна понять… И, налив Маркизу в блюдце его любимого кефира, она отправилась спать.

Перед тем как лечь в постель, Юлия по привычке посмотрела в окно. Снег все падал, мягким покровом застилая Москву, и ей на миг показалось, что он вот-вот скроет под собой всю горечь, беды и противоречия этого мира. Как прежде сияла перед ней чаша Лужников, светился шпиль университета! Прежде снег заметал крыши, деревья, землю, небо… Родной город нравился Юлии в любое время года, но зимой – особенно. Ей вспомнились стихи, которые когда-то нараспев, с таинственной ноткой в голосе произносила мама: «Идут белые снеги, как по нитке скользя. Вечно жить бы на свете, да, наверно, нельзя». И от этого воспоминания ей стало легче, а холод, обжигавший ее изнутри, хоть и не исчез,

но ослабел.

Вот и прошел еще один трудный день ее новой жизни. Юлия приняла снотворное и, не успев согреться на черном шелковом постельном белье, буквально провалилась в сон.

А наутро ее разбудил телефонный звонок. После снотворного, которое она пила редко и потому оно действовало на нее убойно, Юлия не сразу поняла, чего хочет от нее приятный мужской голос.

– Доброе утро, Юлия. Я вас не разбудил? Это Владимир. Мы познакомились вчера в Клубе. Я решил все же узнать, как вы доехали.

– О, Владимир, доброе утро! Не разбудили. Я уже проснулась. Доехала хорошо.

– Как ваши дела? Что вы сегодня делаете? У меня есть предложение. Давайте сходим на выставку – у меня их несколько на примете, можете выбирать, а потом просто погуляем. Я вас приглашаю.

– Это довольно неожиданно. Я никуда не собиралась сегодня, – растерялась Юлия.

– Хорошо. Подумайте о том, что я сказал, – не вдаваясь в споры, как и накануне, закончил Владимир. – Я позвоню вам через час, если вы не против.

– Договорились, – едва успела выговорить она, и в трубке раздались короткие гудки.

Ха, с утра – и уже звонки, приглашения. Вот это выход в свет! Премьера удалась, мысленно посмеялась Юлия. Но как же быть с этим Владимиром? Настойчив, симпатичен, активен, прямо какой-то местный супермен. А еще вчера тебе показалось, что он чуть ли не престарелый тип, поддразнила она себя.

Умываясь, поливая цветы, готовя себе кофе, она продолжала размышлять о неожиданных перспективах, открывшихся перед ней с этим приглашением. Ведя внутренний диалог с той незнакомкой, которой она порой себя теперь ощущала, Юлия слегка подтрунивала. Маленький роман?.. Ну что ж, наверное, можешь

себе позволить. Как-никак – свободная женщина. Проблемы с диагнозом у нас общие, это, по крайней мере, ясно. А что? Когда ты была последний раз на выставке? Сколько лет назад? Ну, все же, пожалуй, не лет, а несколько сезонов, и это тоже немало, ее нога не ступала в Дом художника на Крымском Валу. Пусть так и будет. Если уж вливаться в новую жизнь, так полным ходом!..

Они встретились в метро. Обошли выставки на всех этажах ЦДХ, посидели в тихом и милом грузинском ресторанчике «Сулико». Говорили обо всем – кроме собственной болезни и личной жизни, кроме потерь и обид. Это было не как на свидании в юности, когда сразу, по массе признаков узнаешь, чем дышит человек. Они как бы приглядывались друг к другу, выжидали и не спешили знакомиться ближе.

Юлия вновь посетила Клуб в следующую среду, и с тех пор так оно и повелось. Среда стала для нее Клубным Днем. Она подружилась с остальными членами этого небольшого сообщества, с организаторами, волонтерами из других стран, понемногу поняла, как устроена эта структура, и привыкла к занятиям психологов, даже взяла несколько индивидуальных сеансов психоанализа. Теперь ей нравилось, когда после деловой игры в ней надолго оставалось послевкусие общего замысла, состояние сплоченности, спаянности и бойцовский азарт.

Можно считать, что к весне она начала воспринимать жизнь без недавнего трагизма. Холод отчаяния начал покидать ее душу. Хвала природе – физическое состояние Юлии оставалось вполне стабильным. И она знала, что при современном состоянии медицины у нее в запасе есть пятнадцать-двадцать лет хорошей жизни. А кто вообще может сейчас загадывать так далеко?

Тем временем Владимир опекал Юлию старательно и нежно. Они много гуляли, разговаривали, посещали разные интересные места. Вкусы, привычки и жизненный уклад у них оказались довольно разными, и они с удовольствием делились друг с другом своими познаниями, тем, что любили и ценили. В ту зиму появилось в жизни Москвы (или, точнее сказать, вернулось) такое понятие, как кино. Им обоим нравилось смотреть фильмы в новых, хорошо оборудованных кинотеатрах. Сделав из этого почти ритуал, они рьяно обсуждали потом сюжет и уровень режиссуры фильма, игру актеров, качество звука и музыку. Юлин «анабиоз» понемногу проходил, она вновь стала открытой в общении и говорила сама про себя, что «заморозка почти оттаяла»…

Постепенно, мало-помалу, несмотря на то что оба они избегали разговоров о прошлой жизни, наступил такой момент, когда они – мужчина и женщина – уже многое знали друг о друге. Он – носитель вируса, но сейчас не болен. Впереди – неизвестность. Профессия – моряк, капитан дальнего плавания, руководитель со стажем. После обнаружения инфекции вынужден был срочно списаться на берег. Старые друзья нашли работу в управлении пароходства, но тут стало известно о его болезни – информация поступила от медиков, которые не считали, что должны соблюдать правила медицинской этики, когда речь идет о ВИЧ-инфекции. Пришлось уехать из северного городка в Москву, к родителям жены, но и тут он не смог устроиться по специальности. А потом случилось самое страшное: заболела жена, стал известен ее диагноз, и он ушел из дома, так как не мог переносить кривотолков и косых взглядов… Он всегда был открытым человеком и душой компании, но сильно сдал, изменился, когда жены не стало. Хотел уйти из жизни – но удержали дети; потеряв мать, они особенно нуждаются в отце. Сейчас работает таксистом. Напоследок Владимир рассказал Юлии об острой пневмонии жены, которая, будучи осложнена ВИЧ-инфекцией, и стала причиной ее смерти. По его рассказу она поняла, что это была крепкая семья и Владимир любил свою жену. У них была общая юность, а это – психологическая база на всю жизнь.

Юлия, будучи более замкнутой, коротко рассказала Владимиру о муже и детях, предавших ее после известия о том, что она ВИЧ-инфицирована. Истории их семейной жизни были хотя и разные, но обе безысходно грустные. В разговорах они избегали многих вопросов, но главным табу для них, без всякой предварительной договоренности, стала тема об источнике заражения. Встречаясь в основном в городе или в Клубе, и Юлия, и Владимир избегали еще одного – бывать в гостях друг у друга.

Буквально через несколько недель у Юлии создалось впечатление, что она уже давно и хорошо знает этого человека. В душе неожиданно для нее самой родилось и окрепло доверие к «типу за сорок», как она назвала его про себя в момент знакомства и продолжала называть в первое время их совместных выходов. Респектабельная, но не снобистская внешность, ухоженный вид, легкий, освежающий запах приятного мужского парфюма – все это, вкупе со скромной, но хорошей одеждой, внушало Юлии чувство надежности. По лицу Владимира было видно, что он в своей жизни провел много времени на открытом воздухе, зимой и летом. В целом он производил впечатление интересного, опытного и сильного человека – да-да, сильного, хотя и надломленного жизнью. Он никогда не жаловался, никогда не сетовал на судьбу. Но в его глазах и рассказах присутствовала глубокая, затаенная грусть.

Впрочем, в обращении Владимир нередко бывал, как ей казалось, безапелляционен и резок. А может быть, он просто был человеком другой, мало знакомой ей среды. Он не относился к привычному ей кругу партийно-административной элиты, к которому принадлежала ее семья (отец Юлии занимал высокий пост, долгие годы был инструктором отдела Управления по науке ЦК КПСС). Не относился Владимир и к еще одной хорошо известной ей породе людей – к технарям и гуманитариям, ученым-интеллигентам, которые составляли раньше круг их с мужем знакомых. Вот эти слои общества она знала прекрасно… А Владимир был из среды флотской и армейской; у них, людей служивых, все было четче и грубее. Но все-таки его нельзя было назвать грубым. Четкость и определенность его высказываний, мнений и поступков можно было расценить скорее как свойства характера зрелого, давно сложившегося мужчины, имеющего собственное мнение по любому поводу.

Однако, несмотря на доверие, которое вызывал у нее этот человек, несмотря на то, что они явно вращались в разных московских кругах, Юлия твердо решила не откровенничать с ним. Мир, в котором она жила прежде, был довольно тесен. И она давно знала, что Москва – это «большая деревня». Она не могла забыть, сколько шума наделала в недавнем прошлом ее история. Они с мужем были когда-то действительно идеальной парой; про их разрыв, про крушение этой «идеальной семьи» говорили везде и всюду. Об этом событии писали журналисты как в светской, так и в деловой хронике многих столичных изданий. И потому ей хотелось как можно дольше не сообщать Владимиру свою фамилию, известную благодаря карьере ее мужа. Именно поэтому принцип анонимности Клуба она восприняла с большой благодарностью.

Кроме того, пожалуй, впервые в жизни ей наконец дано было право побыть просто Юлией, относительно молодой женщиной без определенных занятий. С юности над ней висело громкое имя отца, а потом – мужа. Она всегда была придатком к чему-то, к кому-то. Сначала – к семье родителей, к фамилии отца, затем – к карьере и положению мужа. Теперь же она стала самостоятельной и могла проявиться с любой стороны. Ей нравилось быть в Клубе инкогнито, нравилась определенная таинственность ее существования.

Впрочем, все это было для нее пока не более чем игрой. Настоящая жизнь протекала внутри ее, глубоко спрятанная от окружающих. И главным в этой жизни была одна мысль, жгучая, как острие иглы: как, как это могло произойти?! Откуда взялся в ее организме вирус иммунодефицита?

Глава 2

Новый год они с мужем решили встречать во Франции, под Парижем, в милом провинциальном городке Амбуаз. Туда собиралась ехать вся их московская компания, это было безумно модно. Предполагался костюмированный бал в старинном, недавно отреставрированном замке. Костюмы, как и весь праздник, должны были соответствовать эпохе начала шестнадцатого века. Именно тогда, в период правления Франциска I, Амбуаз переживал период небывалого расцвета и считался одной из главных резиденций французского короля – по крайней мере, именно так было написано в рекламных проспектах туристической фирмы, организовавшей это красивое празднество. Те же проспекты обещали, что принимать гостей будет сам граф Парижский, владелец замка.

Юлия с дочерью нашли и прочитали про этот замок все, что только можно было отыскать в Москве. Кроме того, Юлия специально разыскала в «Истории костюма» всякие любопытные и забавные сведения об одежде знатных господ той эпохи. К костюмированному «историческому» балу семья Земцовых, во всяком случае в лице дам, была готова на высшем уровне. Кавалерам же особых одеяний не требовалось: можно было обойтись либо приличным современным костюмом, либо фраком, взятым напрокат.

Практичные французы позаботились и о том, чтобы роскошные прокатные костюмы, напоминавшие театральные, были и для женщин. Но чужое – оно и есть чужое. Юлия терпеть не могла брать что-либо напрокат, даже горные лыжи она таскала из Москвы, удивляя таможню и всех окружающих. И после долгих приятных раздумий, после многократных обсуждений проблемы с московскими подругами и дорогими стилистами она решила сшить костюм в Москве. Ее тонкая, все еще гибкая фигура, ее природная женская стать превосходно вписывались в любую эпоху. Пышная многослойная юбка, корсаж с широкими, ниспадающими волнами рукавами, кокетливый хитрый валик с сеткой на голове, прячущий по-старинному причесанные волосы, – все эти красоты шестнадцатого века должны были ей пойти. Придумывать, примерять, волноваться – все это было куда приятнее, чем брать костюм напрокат во Франции. Тем более что тканей и фурнитуры сейчас и в Москве полно, а портнихи умелые и относительно недорогие.

Юлия понимала, что шить роскошный дорогой наряд для одного лишь вечера – это поступок не слишком рачительной хозяйки. Но такой каприз она вполне могла себе позволить. Их финансовое положение благодаря предусмотрительности мужа не пошатнулось в дефолтную осень 1998 года. Они не разорились, а только сократили (как и все, разумеется, говорил ее муж) свои «скоростные обороты». Состояние осталось, оно было удачно и продуманно вложено в недвижимость – в основном за границей, – что и приносило семье Земцовых стабильный доход. В кругу российской финансовой элиты, к которой они принадлежали, такое положение дел было скорее правилом, чем исключением.

Зато исключением была их приверженность к жизни в Москве. Большинство жен и детей тех, кто работал с Алексеем Земцовым, уже давно и прочно обосновались за границей. Они удобно устроились на берегах Темзы или Средиземного моря, вызывая досужие разговоры о том, что у такого-то бизнесмена или финансиста брак существует только «по переписке». Но, к сожалению, не каждому дано понять жизнь, в которой быт, гардероб и кухня всегда находятся в образцовом порядке, а делом супругов остается лишь доставлять друг другу радость и удовольствия.

Жизнь за границей способна была дать столько преимуществ, столько наслаждений, неизвестных ранее, что супруги легко и охотно шли на маленькие неудобства, вызванные раздельным существованием. Это раньше, до перестройки, даже у российской элиты не было практически ничего, кроме секса на стороне, охоты да подледной рыбалки. А теперь – и путешествия, и разные программы омоложения, и специальные погружения в языковую среду, и немыслимые курорты, и психотренинги типа робинзонад… Вот и получается, что семейство наслаждается всем этим у себя в Лондоне или Палермо, а отец посещает дом по редким выходным или по большим праздникам. «Вахтовый метод, – шутил Алексей Земцов. – Экстремальные условия дикой России не позволяют взращивать здесь цветы и держать жен. Климат также вреден для детей и собак».

Но как раз его-то жена пренебрегала этим практически общим правилом и не могла долго жить за границей. Юлия обожала курорты, путешествия, но рассматривала все это как временный праздник. А дом ее был здесь, в России.

Она любила Москву, в которой прожила много лет и знавала разные времена – как светлые, в родительском доме, так и черные, после смерти отца в 1991-м.

Она любила провинцию, которую изъездила вдоль и поперек в юности, когда за рубеж можно было выехать раз в год по обещанию, да и то преимущественно в социалистические страны. И даже став вполне взрослой, искушенной высоким уровнем жизни женщиной, Юлия сохранила романтическое отношение к столице и восхищение ее историей. Она любила подмосковную природу, березки и сосны, смеялась над собой, называя все это «квасным патриотизмом старой славянофилки», но – ничего не могла поделать. За границей, где бы она ни находилась, ей уже через две недели становилось скучно и безумно тянуло домой. Возвращаясь, по дороге из Шереметьева, глядя из окна автомобиля на «немытую Россию», она думала: «Господи, как же все неухожено, но как я все это люблю!»

Детям Юлия тоже сумела внушить подсознательный, невымученный и какой-то очень подлинный патриотизм. Двадцатилетний Пашка и семнадцатилетняя Ксения обожали родной город, гордились им и переживали за страну в целом со свойственным юности максимализмом и некоторым ерничеством.

– Поддержим отечественного производителя, – говорил Павел, завалившись домой без предварительного звонка с десятком друзей и двумя ящиками пива «Балтика».

– Мамочка, можно мы с девочками сегодня будем обедать в «Елках-палках», у нас акция против «Макдоналдсов», – не спрашивала, а скорее таким категорическим образом ставила ее в известность о своих планах беленькая пухленькая Ксюша, папино-мамино сокровище, отличница выпускного класса лучшей английской школы Москвы.

Так все и шло у них год за годом. А этот Новый год был как раз переходным – с 1999-го на 2000-й. Смена тысячелетия, Миллениум, и об этом столько твердили вокруг: рубеж это все-таки или нет? Психологически – да, утверждали с умным видом телевизионные «головы», а математически – нет. Новое тысячелетие начнется только в 2001 году. «Это для кого как, – думала тогда Юлия, – для меня важнее всего, что сменится привычная и, казалось, вечная единица».

Да, все было в ожидании этого праздника неожиданным, неординарным, не таким, как всегда. И отметить этот Новый год они решили тоже каким-то неординарным, запоминающимся образом. Поэтому и составилась компания из коллег Алексея Земцова, жены которых, жившие на берегах Альбиона, прожужжали своим благоверным все уши о том, как это престижно – уехать на

Миллениум в замки Франции. И вообще, костюмированный бал – это же так весело! Со времен зайчиков и снежинок в детском саду у большинства из них ни разу не было никаких карнавальных костюмов.

А тут как раз появились в России новые туристические программы, новые забавы – для избранных, для немногих, ставших постоянными клиентами элитных туристических фирм. Отдых приобретал новые жанровые формы, и всем стало весело, особенно женщинам и детям, предвкушавшим упоительные костюмированные празднества во Франции, в старинном замке. Да и мужчины поддались веселой суматохе, не скупясь на расходы в преддверии такого необычного Нового года.

Эти праздники, как повелось в последние годы, оказались немыслимо растянутыми по времени. Даже летом не бывало в московских деловых кругах такого мертвого сезона, как в зимние новогоднерождественские каникулы. Банк Юлиного мужа, согласно уже сложившейся традиции, распустил основной руководящий состав, оставив на месте только дежурных, с 30 декабря по 10 января, включая православное Рождество. И негаданные каникулы Земцовым, разумеется, стоило использовать со смыслом. Сын, студент экономического факультета МГУ, заранее зная о поездке, досрочно сдал сессию. Он, так же как и сестра, хорошо учился, принимал участие во всех капустниках и КВНах, слыл лидером в студенческом совете факультета. У дочери были предпоследние школьные каникулы, и она собиралась «оторваться на всю катушку», заранее сокрушаясь из-за испорченного абитуриентскими заботами лета. Таким образом, семья в полном составе была готова принять участие в торжествах славного города Парижа и в карнавале в королевском замке Амбуаз.

Юлия бывала в Париже уже не раз. Более того, у них с мужем имелась даже недвижимость в Париже – скромная по французским, но вполне приличная по московским меркам квартира в одном из престижных районов. Так что у Юлии была возможность досконально изучить музеи, дворцы, набережные и скверы французской столицы. Более всего город нравился ей ранней весной, в конце февраля, когда в Москве еще была зима, а тут уже вовсю цвели фиалки.

Она теперь хорошо знала центр, парки, кладбища и окраины. Бывала во всех памятных местах и с туристической группой, и одна, с друзьями и с мужем, а один раз – даже в тесной женской компании, когда справлялось сорокалетие одной энергичной бизнес-леди, близко знакомой еще со студенческих времен. Французский язык на разговорном уровне благодаря родителям и собственной

природной любознательности она знала вполне прилично. Поэтому Париж ей был мил и знаком. Через три дня пребывания Юлию уже нельзя было отличить от парижанок, и приезжие на улицах активно спрашивали у нее дорогу, что вызывало в ней немалую гордость. Жить в этой престижной и дорогой столице Европы она бы не хотела, а погостить и поглазеть на мир (да и себя показать) – это пожалуйста. Кстати, и показать еще было что…

В то время, в ту зиму, уверенно перейдя несколько лет назад экватор четвертого десятка, Юлия чувствовала себя уверенно и выглядела очень привлекательно. Последние годы вообще оказались для нее приятными и плодотворными. Переживания, вызванные ранней смертью отца, со временем сгладились. Дети подросли и не требовали уже такого внимания, как прежде. А самое главное – для мужа эти годы были решающими в карьере и в бизнесе. Он достаточно удачно вписался в московскую финансовую жизнь, занимал прочное положение управляющего банком. Притом что работа занимала у него много времени, он мог следить (и делал это вполне успешно) и за семейными капиталами, принесенными в их брак в основном Юлией, и активно приумножать их. Своими деньгами, вложенными в некоторые акции и недвижимость, она была обязана отцу.

Отец Юлии, занимавший пост инструктора отдела Управления по науке ЦК КПСС в эпоху Леонида Брежнева и бывший республиканским министром во времена Михаила Горбачева, заслуживает, пожалуй, отдельного внимания. Владимир Алексеевич умер внезапно от инфаркта, который ранее назвали бы разрывом сердца, сразу после августовских событий 1991 года. В отличие от многих других крупных деятелей советской эпохи Владимир Алексеевич сумел дать детям не просто достойное, но по-настоящему лучшее на то время образование, привил им любовь и уважение к труду, к общечеловеческим ценностям, к семье. А также сохранил для них приличный капитал, заработанный им в одном из первых совместных предприятий новой России. Капитал был нажит и «раскручен» таким образом, что за финансовую деятельность отца дочери не было стыдно и теперь. Он был грамотным экономистом, теоретически хорошо знающим принципы капиталистического хозяйствования. Когда же пришла пора применить знания на практике, он вошел в бизнес смело, умно и аккуратно, что и принесло ему коммерческий успех.

Отец в жизни Юлии значил очень много. Он был для нее не просто идеалом мужчины, но и образцом честности, ума, цельности натуры. При жизни отца Юлия чувствовала себя любимой и защищенной. С ним было всегда интересно и

надежно. Его щедрого, любящего характера хватало и на мать Юлии, которую он по-настоящему любил, и на детей, и даже на старенькую тетушку, дальнюю родственницу жены, фактически прислугу, которая всегда жила у них в доме. У Юлии не было подростковых конфликтов с родителями в отличие от многих ее подружек. Родители дали ей с рождения не только особую привилегию – принадлежность к особому миру, миру людей, руководящих жизнью и принимающих решения, – но и особую любовь, понимание, заботу.

Юлия всегда понимала, что в ней самой, в ее родителях, в привычном круге ее общения есть нечто исключительное, что ограждало и ограждает ее семью от многих бед и напастей того времени. Эта уверенность в своей исключительности не была ни разу поколеблена до страшной осени 1991 года.

Исключительность была во всем – в квартире на Кутузовском, которую отец как инструктор отдела ЦК получил как раз после Юлечкиного рождения в 1962 году, в государственной даче в Кратово, где Юля с братом проводили лето, в выборе школы и мест отдыха. Исключительность была и в одежде, что, согласитесь, весьма немаловажно в подростковые годы. Отец привозил из заграничных командировок кофточки, комбинезоны, прелестные дубленочки и шапочки с перчаточками необыкновенных цветов, а потом – первые джинсы, курточки, кожаные пиджачки и туфельки, каких не было ни у кого в классе, хотя рядом с Юлей учились тоже не рядовые школьники.

В те годы отец был почти всемогущ. Главный человек в семье, центр ее мироздания. И поскольку Юлия с братом были поздними детьми, отец всегда ценил их общество. Именно он, а не мама или бабушка впервые повел Юлю на балет, который оставил в ее душе след романтический и, как ни странно, эротический – именно с балетом у нее оказалось связано сильное детское эротическое переживание. Что это было действительно так, она поняла, конечно, уже гораздо позже, когда ей стало однажды невероятно сладко и томительно хорошо от объятий мужа, от поддержки – не балетной, а так, слегка напоминающей балетную, просто при легком отрыве от пола…

Отец водил их в музеи. И оттого что она попала туда не с толпой, не с классом, оттого что это было по-настоящему личное, от отца идущее приобщение к искусству, она сумела воспринять все эти красоты и исторические ценности действительно серьезно. В начале 70-х годов отец таскал Юлю с братом по всем выставкам, проходившим тогда в Москве. Вот тогда-то, в детстве, лет в одиннадцать-двенадцать, Юля узнала, что есть на свете реалисты и есть другие

художники – люди иного взгляда на жизнь и бытие человека. Импрессионисты, Дега, Моне, Сислей, Сезанн – их работы были знакомы ее отцу, любимы и ценимы им, хотя многие в это время только начинали открывать для себя этих больших мастеров.

Как ни странно, Юля не стала зазнайкой, хотя кругозор ее был намного шире, чем у сверстников и даже учителей. Она всегда много читала, а в последние годы учебы в школе дополнительно занималась с преподавателями из МГУ и выросла в результате мудрой и эрудированной девочкой. Несмотря на эти избыточные гуманитарные знания, она всегда уважала математику, поступила на экономический факультет МГУ и училась на удивление успешно.

Юлия всегда оберегала свою семью, это было свойством ее натуры, такой же щедрой и цельной, как у отца. Ценить более всего на свете покой близких, душевное тепло, довольные лица детей и мужа – в этом было ее жизненное кредо и женское призвание. Она постоянно что-то устраивала, улаживала, о чем-то хлопотала. Причин для волнений всегда хватало, хотя беспокойства ее часто бывали приятного, творческого свойства. Ей всегда хотелось что-то исправить, усовершенствовать – будь то интерьер их городской квартиры, гардероб детей или проект нового загородного дома на берегу Пироговского водохранилища, которым она очень гордилась и которому были посвящены их с мужем немалые заботы и хлопоты.

Ее беспокойная натура вечно стремилась к идеалу, к совершенству. Когда она еще училась в университете, подруги по группе полушутя-полусерьезно звали ее перфекционисткой. И действительно, она была ею, любила и умела доводить до совершенства все стороны своей жизни. Она старалась быть на высоте в материнстве, в быту, в браке, во внешности… Что касается последнего, то обладая от природы завидной фигурой, она умудрилась сохранить форму даже после рождения и кормления детей. Не полагаясь только на природные данные, Юлия следила за модой, оставаясь, как умная женщина, в полушаге от острой модной волны. Умела всегда быть интересной и нестандартной. Зная меру во всем, она и тут сумела уловить нужную грань, рассчитать правильный интервал «отставания».

После недавних своих тридцати пяти она предпочитала классический стиль как форму на выход и спортивную одежду – для дома и поездок. Однако и приодеться для появления в свете, щегольнуть Юлия могла с блеском. У нее была приличная коллекция украшений, ее собственность, которая составлялась

всю жизнь – часть досталась от матери, часть подарил отец, и самые солидные драгоценности, которые более походили на капиталовложения, были подарены в последние годы мужем. Кроме классики был в ее коллекции и авангард. Такие украшения покупались в поездках, это были работы известных европейских мастеров или же изделия лучших ювелирных фабрик мира. При этом Юлия не любила носить бриллианты каждый день, как это делали большинство ее московских подружек. Не любила по три браслета на одной руке. Нет, благородная сдержанность, минимализм всегда были ее девизом…

В городской квартире и в загородном доме Юлия стремилась собрать все лучшее из того, что ей было доступно. Со стройматериалами, которые сами «приехали» в Москву благодаря зарождению рынка, слава богу, проблем не было. Не требовалось тащить в багаже из поездок обои, плитку, ручки для окон и дверей, держатели для рам и прочие вещи, которые, в общем-то, и создают дом. Все эти трудности, имевшие место двадцать-тридцать лет назад, ушли в прошлое; теперь вместе с материалами в Москву прибыли и мастера. Так что проблемы переместились в область организованности хозяев, финансового обеспечения.

Первую из этих проблем взяла на себя Юлия, вторую – ее муж. И в результате в последние годы Земцовы смогли переоборудовать городскую квартиру и построить великолепный загородный дом. В этом была заслуга и самой Юлии, и Алексея, который заранее определял смету, обеспечивал финансирование стройки и изыскивал средства, когда они неожиданно заканчивались. Но в детали сам не вникал – просто радовался всему, что она делает, полагаясь на ее деловые качества и вкус. Взяв в свои руки строительство их загородного дома на стадии подготовки котлована, закладки фундамента, возведения стен и крыши, Алексей всю планировку и отделку доверил жене. Ей и нельзя было не доверять: Юлия стала хорошо разбираться в строительном деле и даже любила шутить, что может теперь зарабатывать на жизнь, устроившись топ-менеджером строительной компании. И в самом деле, все, за что бы она ни бралась, выходило у нее хорошо, даже превосходно.

Последние три года загородный дом был ее страстью. К слову сказать, появилась эта страсть вполне вовремя. Муж все больше и больше погружался в работу, дети были заняты школой и друзьями, а ей оставались только кухня и быт. Не очень увлекательно, но, как человек сознательный, Юлия свои обязанности выполняла неукоснительно. Еще была московская светская жизнь, которая делилась на две части – участие в мероприятиях мужа и своя собственная, очень приятная женская компания, в сборищах которой Юлия с

удовольствием участвовала, когда такую возможность давали «окошки» в стройке или между поездками.

При всей своей уравновешенности и деловитости Юлия была человеком увлекающимся. Когда у нее появился шанс отделать старую квартиру на Кутузовском, она потеряла покой и сон. Этот серьезный ремонт стал ее «первой любовью», и с тех пор создание интерьеров оказалось для нее одним из главных занятий в жизни. Едва ли не первой из своих знакомых Юлия завела американскую стойку-бар, встроенные шкафы, двухуровневую детскую. Полностью сменила старое столовое серебро, привезя новое, более стильное, из Италии. Приобрела дорогой фарфор, придавший гостиной особый шик и очарование. Но самым большим новшеством оказалась приватизация и освоение чердака. Там у нее теперь был зимний сад. Ремонт и переустройство, эскизы интерьера настолько увлекли Юлию, что, возможно, она не остановилась бы в своих бесконечных переделках, но все построенное требовало времени и сил на поддержание в достойном виде.

Сочтя квартиру наконец обустроенной, Юлия перешла к загородному дому. Два года ушли на постройку и доведение дачи до совершенства. Все выключатели, розетки (а их в доме было около двухсот) стояли на своих местах, жалюзи и шторы выглядели безупречно, люстры сияли, газон зеленел. Все это она придумала, рассчитала, купила, расставила, проследила за установкой, рассадила – и сделала это со свойственной ей тщательностью. Но что же дальше, думала она? Надо бы освоить что-нибудь новенькое. Может быть, заняться, наконец, не домом, а самой собой и довести до мастерского уровня катание на горных лыжах? Впрочем, ничего экстремального Юлия не любила и совершенствоваться в этом виде спорта сочла излишним.

Тут, в этом вынужденном простое, как раз и подвернулась подготовка к костюмированному балу, к Миллениуму в Амбуазе. Это было дело, достойное ее страсти к совершенству, вполне соответствующее ее романтичной и женственной натуре. При всей врожденной любви к изящному Юлия могла месяцами не вылезать из джинсов и толстовки, когда шли строительные или отделочные работы, а могла, как только «напряженка» спадала, отправиться «наводить марафет» в лучший московский салон. Баня у нее, при всем жестком графике, раз в неделю планировалась обязательно, а вот в тренажерные залы она ходить не любила. Эту энергию, считала Юлия, надо использовать в мирных целях, нечего зря ногами-руками махать. Да и выглядела она великолепно, ей не нужно было прилагать больших усилий, чтобы привести в порядок фигуру или

лицо. Оставалось только позаботиться о достойных нарядах.

Портниха Олечка сшила к парижской поездке два чудесных платья. Одно предназначалось для карнавала, а другое – для похода в оперу или на любое вечернее светское мероприятие. С первым оказалось очень много хлопот: сочетание нескольких цветов, в основном красного и темно-зеленого, и тканей разной фактуры – плотного шелка, парчи, атласа – было исторически достоверным и забавным. А вот вечернее, хоть и не такое сложное, удалось сразу и было просто неотразимо. Красный шифон, расшитый блестками цвета меди. Юлия давно не покупала и не шила себе ничего цветного и яркого, последние годы все носили черное, потом серое, и женщины на московских тусовках высшего уровня выглядели, как галки или вороны. Теперь праздник цвета, воплощенный в новых нарядах, наполнил ее сердце радостью.

Карнавальный костюм был довольно тяжелым, длинная юбка переходила в струящийся шлейф сантиметров эдак на сорок. Поэтому его можно было надевать только в редких случаях – что, впрочем, предусматривалось. Вечерний же наряд подходил для любого торжественного выхода, излучал радость и свежесть. (Именно свежесть – это как раз то, что мне сейчас надо, думала Юлия, поворачиваясь перед зеркалом в одеянии из матовой, свободно струящейся алой ткани.) Фасон этого платья был по-королевски роскошным, но в то же время и современным. Своими платьями она осталась довольна, хотя и чувствовала в глубине души, что позволяет себе такую роскошь только потому, что ощущает: вот-вот начнет уходить, исчезать, таять ее красота…

– Наверное, это последнее мое «голое» платье, – грустно сказала Юлия портнихе.

– Бог с вами, Юля, кто бы говорил! Теперь возраст ничего не значит. Вон футурологи уверяют, что следующая стадия красоты будет – морщины как они есть, и чем больше и резче, тем красивее. И вообще старость – это индивидуальность, это прелесть мудрости, – бормотала Олечка, присаживаясь на корточки и закалывая булавку на талии. – Да вы опять похудели, сколько же можно? – застонала она. – Опять ушивать. Этак вы дозреете до новой моды, до футурологических морщин, естественным путем, без всякой пластики…

– Ты все фантастику читаешь, – засмеялась Юлия. – Большая ведь уже девочка. Не стыдно?

– Нет. Это не фантастика, это футурологический прогноз на следующее тысячелетие, только на все тысячелетие, а не на один только двадцать первый век…

– Посмотри, – нетерпеливо перебила ее Юлия. – Хорошо ли, нормально ли смотрится плечо сзади, не много мы с тобой вынули?

– Да нет, не много, в самый раз будет. Эта асимметрия – просто чудо, настоящая находка. Один рукав длинный, другого нет вообще… Где вы нашли этот фасон, Юля? Вы будете просто королевой бала.

Она не стала объяснять Олечке, что придумывала фасон сама – так, как обычно и поступала со всеми своими нарядами. Вместо этого Юлия пробормотала сама себе, словно думая вслух:

– Честно говоря, мне не по себе от этой претенциозности, но надо же соответствовать моменту… Слушай, а может, разрез уменьшить? Ну, оставить сантиметров пять выше колена – и все.

– Хорошо, я оставлю, а как вы ходить будете? Давайте попробуем лучше вот так заколоть. У этого фасона как раз такая идея – одна сторона платья пуританская, все наглухо закрыто, другая – супероткрытая. Все на контрасте. И необычно то, что это не спина открыта, а один бок. Как хотите, Юля, такого платья ни у кого во всем этом сезоне не будет – не то что на вашем балу в Амбуазе.

– Туфли еще не подобрала. Какие? Ты как думаешь?

– Что думать-то, все ясно – босоножки из золотой кожи. Они в лучших журналах сияют – и в «Вог», и в «Космополитен».

– Да, конечно, нужны элегантные босоножки на каблуках. Закрытые туфли будут утяжелять, – решила Юля. Она почувствовала определенную легкость оттого, что все решения, такие важные для женщины, были уже приняты, и, засмеявшись, повернулась к Олечке: – Мы с тобой просто часами можем болтать, и все выходит как будто по делу.

С легким самодовольством портниха произнесла:

– Да это же и есть самые главные женские дела, а вовсе не чепуха, как вам иногда кажется.

Девочка Олечка, портниха и модельер вечерней – и только вечерней – одежды, была человеком творческим, но при этом обязательным и четким. У нее имелись явные задатки имиджмейкера и психоаналитика. Она так тонко чувствовала явные и скрытые намерения клиентки, так ощущала ее личностные качества, комплексы и потребности, особенности фигуры, что дамы попросту обожали Олечку – и при этом не только за превосходное шитье, но и за умение рассудительно поговорить, подсказать оригинальное решение, расставить все по своим местам. Юлия могла болтать с ней часами, хотя вообще-то болтушкой отнюдь не была. Но Олечка оказалась прелюбопытным человеком. Девочка из провинции, милая, но не простая, чудом зацепившаяся в столице, она многое знала, многое видела, но следовала замечательному правилу – не переносить из дома в дом, из гардеробной в гардеробную личные секреты своих клиенток и не выдавать их прихоти и слабости.

К Юлии девочка относилась хорошо, восхищалась открыто и за глаза ее внешностью, стилем и вкусом. Шить на фигуру этой клиентки было просто: стройная, невысокая, но почти «модельная» Юлия свои малые недостатки знала сама и никогда не выставляла себя в смешном или невыгодном ракурсе. Она следила за основными направлениями в моде, любила приодеть себя и дочь (которая, как ей казалось, была совершенно равнодушна к своей внешности), но при этом никогда не «перебирала» в погоне за яркостью и оригинальностью, обладая превосходным чувством меры, столь редким – увы! – в современной женщине. Юлия всегда предпочитала сама покупать ткань и выбирать фасон, не доверяя это даже портнихам. Ей доставляло удовольствие совершать покупки в заграничных поездках, ездить по магазинам в Москве; она любила и знала мир тканей, иголок, ниток, кружева и тесьмы… Если бы «стройка», как они называли в семье бесконечные ее ремонты, или другие важные семейные дела не отвлекали ее, то она бы, пожалуй, и шила сама. В молодости это получалось у нее легко. Но теперь на шитье не было времени, и встреченная у хорошей подруги Олечка воплощала ее идеи как нельзя более аккуратно и чисто. У них возникло взаимопонимание, почти приятельство, которое Юлия очень ценила.

Мир одежды в последнее время стал значить так много, что состоятельная женщина, да и просто Женщина с большой буквы – любая, с любым уровнем достатка – не могла позволить себе оставаться от него в стороне. Это была целая философия, целая наука, которую молодые россиянки познавали заново,

войдя в международный деловой мир. Гардероб у Юлии был тщательно продуманный, регулярно обновляемый; старую одежду она относила или на бывшую работу, или приятельницам, которые с удовольствием «пристраивали» ее.

На наряды Юлия тратилась нечасто. Дорогие коллекционные вещи покупались ею лишь к очень торжественным случаям. В таких ситуациях она могла взять деньги из своего наследства, что избавляло ее от лишних разговоров с мужем. Алексей расстраивался, когда Юлечка хотела чего-нибудь такого, чего он не мог ей предложить. А Юлию это совсем не обескураживало; улыбаясь, она напоминала ему, что жене Пушкина Наталье Николаевне наряды оплачивала богатая тетка. Про себя же думала: спасибо отцу, что оставил мне деньги, и спасибо переменам в стране, которые позволяют ими пользоваться.

Юлия быстро перестала комплексовать по поводу недоступности роскошных моделей «от кутюр», которые продавались после модных показов. Она хорошо помнила первые грандиозные шоу, устроенные Валентином Юдашкиным. Дух захватывало от цвета, музыки, роскоши шелка, вышивки и стразов. Это производило такое сильное эмоциональное впечатление, что поначалу хотелось все выбросить из шкафов, все раздать и заново накупить у Юдашкина – и чтобы всякого, разного, совершенно на все случаи жизни. Но Юлия очень быстро поняла, что это всего лишь чувственный эффект, который и призваны производить на женщин показы такого уровня. Теперь она могла без волнения пройти мимо витрин его Дома моды, который был расположен прямо напротив их дома, на Кутузовском проспекте. Бросив взгляд на эти витрины, она спокойно и отвлеченно любовалась линией, цветом, изысканной вышивкой, отлично понимая при этом, что все это создано не для жизни и даже не для праздника, а во имя Высокого Искусства – и не более… К ней же, Юлии Земцовой, жене банкира Алексея Земцова и матери двоих детей, эти наряды имеют весьма косвенное отношение. В конце концов она придумала себе простую и емкую формулировку: «Юдашкин – так она называла все, что относилось к «от кутюр» в России и во всем мире, – это театр». Не будет же здравомыслящий человек страдать из-за невозможности жить в обществе театральных героев? Вот так же и с высокой модой – прекрасно, но далеко, ирреально…

С тех самых пор как она поняла (по крайней мере, ей казалось, что поняла) природу «от кутюр», она очень четко осознала и свое место «новой русской жены нового русского финансиста». Это стало еще одним из многих достоинств Юлии Земцовой, ценимых в обществе. Ведь это надо было уметь – осознать и

правильно поставить себя в изменившемся мире. Испытание деньгами – очень суровая вещь. Российское общество было переполнено нуворишами, которые так и не сумели занять правильное место в жизни. Поэтому появилась погоня за ложным аристократизмом, за безумными домами-дворцами, с которыми их хозяева не могли справиться, за придуманными сюжетами «красивой жизни».

Испытание привилегированностью и большими деньгами Юлия прошла еще в родительском доме. Именно там она приобрела умение разумно распорядиться средствами – не гноить в кубышке, не поддаться на сомнительные выгоды непонятной финансовой пирамиды, а потратить красиво и правильно. Всему этому сумел научить ее отец. Он не мог, безусловно, и представить, что жизнь так изменится, как не мог представить себе и крушение партийной системы. Даже когда началась перестройка, появились первые признаки рынка, он говорил, что партия вечна, что может оживиться рыночная торговля и как-то измениться жизнь, но партия как основа государства – никуда не денется. Как же он ошибался, бедный!

Иногда Юлии казалось: хорошо, что он не увидел того, что стало с его партией. Он не был твердолобым партийцем, а членство в партии воспринимал как условие для карьерного роста. Отец, как никто из всех ее знакомых, отчетливо чувствовал, что партия – основа власти, что коммунисты, истинные или ложные, не отдадут ее просто так… Хотя ему, сидящему наверху, было ясно и другое: советская власть – это действительно уже колосс на глиняных ногах. И как раз в этом Юлин отец не ошибался.

Они уже подлетали к Парижу. «Какая роскошная новогодняя ночь нас ожидает, – с удовольствием подумала Юлия, когда самолет начал плавно снижаться. Затем ее мысли, как это часто бывало, погрустнели, перескочили на давно затаившуюся в груди боль: бедный папочка, он так и не узнал, какая жизнь началась после роспуска компартии. Знал бы он, что я закончила строительство настоящего загородного дома, славно потрудилась, он все же был бы мною доволен. Заслужила поездку в Париж, мы летим всей семьей встречать Новый, двухтысячный год. У нас все предусмотрено, все организовано – нас встретят, отвезут в гостиницу, день мы гуляем по Парижу, потом едем в замок Амбуаз, потом опять гуляем по Парижу с детьми. А потом – отправляем детей в Москву, а сами летим отдыхать на острова, к морю и солнцу… Нет, ничего этого я рассказать ему не могу. А может быть, он слышит меня – кто может это знать наверняка?»

На высоте в самолете всегда приходят в голову неземные мысли. Потом в суете они забываются…

Тем временем лайнер стал круто заходить на посадку. Алексей сладко спал, дети смотрели в иллюминатор. Юлии пришлось разбудить мужа.

– Проснись, Леш, мы садимся. Ты как? Уже Париж, уже Орли.

Он протер глаза, сладко потянулся и приобнял жену за плечи:

– Ну я и спал! Извини, я вскочил сегодня ни свет ни заря, у меня просто глаза слипались. Все, я выспался, теперь нормально. А ты как? Чем занималась?

– Сидела и размышляла. Думала о тебе, – пошутила она, но он уже говорил о другом, поглядывая на Павла и Ксюшу.

– Юль, какая удача, что дети с нами, ты не будешь каждые полчаса звонить в Москву.

– Да, это просто счастье, что дети с нами, – эхом откликнулась она, а про себя продолжала рассуждать: «Это бывает теперь все реже и реже. У них свои интересы, свои друзья, которых мы не знаем. Как просто было родителям в моем детстве! Мы дружили с теми, кто жил рядом. Родители наших друзей были нам хорошо известны. А теперь – школа на другом конце Москвы, никого не знаю, остается только доверять своим детям и тем, кого видишь в школе. Хотя там вроде и строго, но – подростки, эпоха вечного нигилизма, инстинкт стаи!.. А эти друзья по чату в Интернете?! Кто, что, где? Нет, моей матери было намного проще…»

– Юлечка, расслабься, – посмотрев на ее озабоченное лицо и мгновенно догадавшись, о чем она думает (все же столько лет прожили вместе), сказал Алексей. – Мы сейчас будем во Франции. У детей каникулы. Здесь нет школы. И они уже большие. Что посеяли, то и пожнем. Нечего уже их воспитывать.

Самолет мягко коснулся колесами бетонной полосы, салон зааплодировал. Пассажиры встали со своих мест и направились к выходу. Алексей тоже встал, помог Юлии подняться и, направляя к проходу, положил руку ей на талию. От

его прикосновения Юлии стало тепло и приятно, и она подумала, что этот Новый год будет праздником, который запомнится надолго. Так оно и вышло – только совсем по другой причине.

Глава 3

Новогодний Париж сиял и переливался огнями – весь в блестках, елках и рождественских украшениях. Всегда трогательно-прекрасный в Рождество, по случаю Миллениума он оказался наряжен особо торжественно. Это был суперпарад даже для столицы мира. Деревья, увитые гирляндами электрических лампочек, составляли сверкающие арки, по которым волнами пробегали разноцветные огни. Выглядело все это просто феерично – роскошная иллюминация, каскад света, какого Земцовы нигде и никогда не видели, превращали старый город в нечто волшебное.

Чего только не придумали французы для своей любимой столицы в честь смены столетия и тысячелетия! В витринах магазинов – и больших, и малых – сидели механические куклы. Красавицы смотрелись в зеркало и примеряли украшения, наводили макияж, а механические музыканты рядом с ними играли на трубах, зайцы и белки били в барабаны, французские Деды Морозы – Пер-Ноэли – звенели колокольчиками… Праздник был устроен с истинно грандиозным размахом.

Маршрут, предложенный Земцовым и их приятелям туристической фирмой, был разработан до мельчайших деталей. Они собирались провести три дня в самом Париже, показать сыну и дочери самое-самое главное – Нотр-Дам, Лувр, Центр Помпиду и все, что бы они ни попросили, – да и просто покататься, пошататься по городу. Дети заявили, что все вечера проведут на дискотеках, а взрослые мечтали о тех местах, которые оказались еще «неохваченными» в прошлые приезды. Планов было громадье, и все – один лучше другого. 31 декабря утром они уезжали поездом в Амбуаз. Дорога занимала всего два часа – этакое ближнее Подпарижье, как каламбурил в своей обычной манере Павел. Там селились в гостинице, гуляли по городу, а вечером при полном карнавальном параде их должны были доставить из гостиницы на новогодний бал в замок. В замке – праздничный ужин, бал-маскарад, веселье, соответственно программе устроителей. И встреча Нового, 2000 года. Наутро – поездом в Париж.

Их гостиница располагалась в центре, и из окна номера прекрасно просматривалась Эйфелева башня. В новогоднюю ночь она должна была зажечься какими-то особыми огнями и фейерверками; об этом много писали и говорили. В городе царило необычайное оживление. В центре не протолкаться, полно приезжих – главным образом иностранцы со всех концов света и молодежь из парижских предместий. Люди жили в палатках и ночевали в спальных мешках, не уходя с площади, чтобы увидеть чудо новогодней Эйфелевой башни. Оно заключалось еще и в том, что на башне были установлены огромные электронные часы, ведущие счет времени, оставшегося до начала 2000 года. «Часы наоборот» никому не давали расслабиться, и парижане, посмотрев на них, ускоряли ход, а гости предавались празднику с большим воодушевлением. Все знали: после окончания 1999 года и торжественной минуты наступления 2000-го для каждого из них закончится праздничное гулянье и начнутся будни нового тысячелетия.

Земцовы посетили все, что было запланировано для просвещения детей, и в один из вечеров после ужина отправились просто гулять по городу – сначала бесцельно, потом, по просьбе Ксюши, свернули к площади Бастилии. Они гуляли по праздничному городу, удивлялись многолюдью и многоцветью шумной толпы. В центре им встречались в основном иностранцы, среди которых поражали особой яркостью африканцы в национальных одеждах. От московской толпы парижан отличала доброжелательность, какая-то сдержанная целеустремленность и скромная, по московским меркам, одежда. И все они отметили, что мехов на улицах оказалось крайне мало для зимнего сезона.

Земцовы не раз слышали, что «зеленые» шутить не любят. А на Юлии была ее любимая куртка-жакет из норки редкого горчичного цвета, привезенная из Италии по заказу одного маленького московского бутика. Эту вещь она очень любила за истинную элегантность и удобство, а поэтому слегка опасалась, что ее могут испортить рьяные защитники природы. Для Москвы курточка была легковата, а для европейской зимы – в самый раз. И в первый день от всех этих московских разговоров о порче мехов на улицах Парижа ей было не по себе. Она все ждала, что кто-нибудь в шумной парижской толпе, в духе последних истерических сообщений в прессе, острой бритвой полоснет ей по спине или, не дай бог, плеснет на мех какой-нибудь гадости или краску… От потаенного страха Юлия вся сжималась внутренне и была слегка рассеянной. Но, наверное, и у «зеленых» бывают свои каникулы – по крайней мере, никто в Париже не обратил внимания на ее «преступные» натуральные меха.

В последний вечер семья Земцовых решила прогуляться по самой фешенебельной улице Парижа – Елисейским Полям, пройтись от Триумфальной арки до площади Согласия. У них появилась идея подняться на лифте на Триумфальную арку, полюбоваться на ночной город, а потом просто шагать куда глаза глядят по историческому центру. В Москве Павел с Ксюшей начитались разных путеводителей по Парижу, предвкушая фантастические прогулки, да и теперь не выпускали из рук карту. Ну а Юлия с мужем с некоторых пор вообще считали этот город своим. После смотровой площадки на Триумфальной арке, которая показалась им не очень уж и высокой, они медленно дошли до площади Согласия, присели выпить кофе в маленьком бистро и легко поддались на уговоры детей отправиться дальше на площадь Бастилии, где у брата с сестрой было особое дело.

Они не могли воспользоваться такси, так как парижские таксисты берут только трех пассажиров, но, на счастье, им довольно быстро удалось договориться с частником, парнем из Армении, который в том же бистро разговаривал с хозяином по-русски. Это упростило дело, и они с удовольствием прокатились по почти пустой дороге, что для Парижа с его сложными условиями движения могло считаться большой удачей.

На площади Бастилии, куда так стремились их дети, собирались роллеры. Выглядело это почти так же, как и в Москве, на Манежной. Такие же подростки, маленькие и большие, легко и стремительно носились над асфальтом, выделывая виртуозные прыжки и пируэты. Для младших Земцовых было очень важно сравнить роллерные достижения двух столиц. Понаблюдав за катающимися и единодушно решив, что московского роллера по имени Таракан никто здесь не перепрыгнет, дети оторвались от захватывающего зрелища. А Юлии, глядящей на них с чуть снисходительной «взрослой» улыбкой, внезапно и самой захотелось покататься. Понятно, что такие экстремальные прыжки ей не по силам, да и не по возрасту, а вот подвигаться и поноситься рядом с ребятами на роликах – это было бы здорово! Присматриваясь к публике, она обнаружила, что, как и в Москве, на коньках носятся не только крутые отроки, но и взрослые дяди и тети вполне солидного возраста.

– Это они для фитнеса, – пренебрежительно изрекла дочь, заметив, с каким интересом Юлия провожает взглядом своих ровесников.

– Ага, для формы и здоровья. Между прочим, могут и вальс изобразить, как в фигурном катании, – подтвердил Пашка.

И Юлия решила по возвращении освоить роликовые коньки всерьез. А что, хорошая идея! По сути, новый вид спорта, а может, и транспорта – ведь в Москве уже во многих местах хороший асфальт. Гуляя по Парижу, она то и дело вспоминала о своей московской жизни. Заботы не отпускали ее – Юлия не умела расслабляться, полностью отрываться от повседневной суеты.

Совершенно случайно Земцовы забрели в огромный магазин-ангар, где продавали музыкальные записи всех видов, жанров и направлений. Лицензированные диски – и по баснословно низкой цене. Тут-то и началась настоящая вакханалия мотовства и покупок. Юлия выбрала себе двойной диск Шарля Азнавура, потом нашла Ива Монтана, Эдит Пиаф, в подарок приятельнице купила диск Далиды и поймала себя на том, что просто не может, не хочет остановиться. Французы оказались верны себе: английской и американской музыки, которой завалены все прилавки в Москве, тут было мало. Зато гигантское количество хорошей европейской музыки по доступным ценам приводило российского покупателя просто в шоковое состояние. Юлия знала о феноменальном воздействии на россиян этих магазинов, но почему-то наивно считала, что ее семьи это не коснется. Однако даже уравновешенный Алексей вдруг впал в азарт и в состоянии культурного шока закупил коллекцию французского джаза. О детях же и говорить было нечего – они спустили все карманные деньги, выданные им на Париж родителями и бабушками, да еще заняли у отца под подарки на будущие дни рождения – словом, разгулялись на полную катушку… Юлия не останавливала этот азартный приступ любви к музыке, она одобрила даже музыку для медитации, которой было полно и в Москве, причем в любом виде. Ей хорошо и тепло было смотреть на свое счастливое семейство, трепетно выбиравшее на память о Париже музыкальные шедевры.

Во время прошлых приездов во французскую столицу у Юлии с мужем сложилась своя компания. Она состояла из нескольких пар русских эмигрантов, осевших в этом вечном городе насовсем и влюбленных в Париж так, как всегда влюблялась в него русская интеллектуальная элита. Это были в основном богемные интеллигенты – писатели, художники и музыканты, знакомые с Земцовыми еще с Москвы, с давних студенческих времен. До отъезда из страны они считали себя – да и были, пожалуй, – людьми «без руля и ветрил», а здесь как-то остепенились и обуржуазились. Обзавелись квартирами, домами, не говоря уже о машинах. В целом же парижская компания состояла из очень симпатичных Юлии ребят, которые понимали, что они по собственной воле выбрали для себя эту жизнь, и не сетовали на недостатки и лишения эмиграции.

Земцовы, у которых была квартира в Париже, были как бы причастны к столичной жизни. Квартирой они не пользовались, предпочитая жить в гостиницах, – это было им удобнее по многим причинам, и прежде всего потому, что парижскую «жилую площадь» они выгодно сдавали, – но все равно считались в компании парижанами.

Квартира находилась в нескольких минутах ходьбы от Люксембургского сада. Это были четырехкомнатные апартаменты в самом сердце «Большого Парижа», предмет мечтаний многих французов и американцев. Цены на недвижимость в этом районе постоянно росли, увеличиваясь в год на пять-семь процентов по причине невероятной престижности места.

Как ни странно, именно недвижимость и сблизила Земцовых с русскими парижанами. Первое время они с интересом шатались с ребятами по парижским злачным местам, по мастерским художников, по русским ресторанам. Алексей с Юлией покупали у творческих друзей их работы, и в последние годы это случалось все чаще. Меценатами они не были, но, как только у Алексея появлялись свободные деньги, он с удовольствием принимался поить и кормить всю эту братию, давая ужин или обед.

Потом появилось еще одно место, которое всегда их притягивало, – так называемый «сквот» Алеши Хвостенко, где он пел так полюбившееся всем русским парижанам «Пускай работает рабочий и не рабочий, если хочет»… Этот эмигрантский круг был очень тесным и замкнутым, попасть в него считалось большой честью. Из-за языкового и культурного барьеров этим людям в Париже приходилось нелегко. И потому Юлия с Алексеем, с их опытом жизни в «рыночной экономике», с опытом путешествий по разным странам, стали их добрыми друзьями, консультантами и в какой-то мере опорой. А еще они казались парижским эмигрантам людьми будущего, уже прочно стоящими на ногах в России. Впрочем, так оно и было.

Детям же они хотели показать совсем другой Париж – туристическую Мекку мира, Париж парадный, официальный, такой, каким он предстает гостям со всего света. Они хотели, чтобы дети запомнили его таким на всю жизнь. Юлия навсегда сохранила в памяти рассказ прабабушки, которую она застала совсем старенькой. У той самым ярким впечатлением детства была поездка в город Красноярск, на празднование столетия со дня рождения Пушкина. Она помнила эту поездку в мельчайших подробностях и любила рассказывать о ней своему

внуку, Юлиному отцу, а потом и самой Юлии. И вот теперь, спустя много лет, перед поездкой в Париж она часто задавала себе вопрос: «Интересно, а что будут вспоминать о своем детстве наши дети, что станет их самым ярким впечатлением?..» И сама себе отвечала: «Сие нам не дано знать. Надо жить одним днем».

Тридцатого декабря в Париже пошел холодный зимний дождь, налетел сильный ветер. Его порывы все усиливались, и в конце концов он превратился в шквал. Буря бушевала всю ночь. А наутро они узнали из телевизионных новостей, что это был ураган, который наделал много бед, особенно в Бретани: повалил огромные деревья, погубил большие площади старого леса… И хотя Париж ураган задел только краем, но и этого оказалось достаточно – к утру 31 декабря, к предновогодней ночи, Париж потерял все свои праздничные украшения. Трогательные красные листочки, прикрепленные к деревьям вместе с электрическими лампочками, многочисленные фонарики, шары и рождественские веночки – все это было безжалостно сорвано ветром, сброшено и унесено, как мусор, в неизвестном направлении. Город словно бы оголился, остался в своем будничном обличье и, сбросив праздничную мишуру, приобрел серьезный и грустный зимний вид.

А между тем европейская зима совсем не красила Париж. Не было ни белого чистого снега, ни морозного легкого воздуха, а холодный затяжной дождь навевал тоску и лишал радости свободного передвижения. Юлии почему-то щемяще больно было видеть улицы без праздничных украшений, у нее даже как-то нехорошо замирало сердце, и потому поездка в Амбуаз пришлась как нельзя кстати.

После Парижа город Амбуаз показался сонной деревней. Воздух был чистым, машин мало, все сидели по домам. «Да, все-таки Новый год надо встречать дома. И зачем только мы все это затеяли?!» – сокрушалась про себя Юлия. Однако сожалеть было уже поздно.

Утром они встретили в поезде на Амбуаз свою компанию. Это были коллеги мужа с женами, чадами и домочадцами. Среди новых банковских служащих и их жен у Юлии не было друзей, а вот среди старых, постоянных сотрудников банка все-таки нашлись две-три семьи, которые она давно знала. Особенно выделяла она одну пару. Тамара и Федор Рудак были людьми шумными, веселыми и большими. Точнее сказать, большой была жена, а муж, мужчина среднего роста, лишь отчасти увеличивал их общую массу.

Алексей Земцов и Федор Рудак дружили еще в студенчестве, учились на одном курсе. Уже тогда, в университете, пытались начать свой собственный «бизнес». После окончания работали вместе. Алексей, будучи лидером по природе да и в силу сложившихся жизненных обстоятельств, оказался начальником, а Федор – его первым замом. Тандем был удачным и крепким – пришел финансовый успех. Но однажды Федора попутал бес. Он (под хороший и успешный, как ему тогда показалось, проект) назанимал денег в Москве, несмотря на то что кредиторы все были с сомнительной репутацией. В это же время он поехал в командировку от кооператива, в котором оба они тогда работали, на Украину, где получил крупную сумму денег наличными в качестве процента от сделки по продаже большой партии компьютеров.

В украинском городке, где происходила сделка, его стала выслеживать местная бандитская группа. Федор вынужден был спрятаться. Он сообщил в Москву жене и матери, что его не будет какое-то время, а сам действительно спрятался, да так далеко и глубоко, что просидел якобы в убежище пять лет. За эти пять лет украинские мафиози, которые его «пасли», перестреляли друг друга. Федор вынырнул, возвратился в Москву и пришел к Алексею с повинной. Все деньги – довольно, кстати, крупная сумма – исчезли. Московские кредиторы за прошедшие пять лет тоже поразъехались и сгинули кто куда. Земцов не стал поминать прошлое, разбираться в довольно-таки запутанной и малоприятной истории, и начался новый виток успешной жизни Федора.

Алексей тогда уже работал в банке. Он принял Федора на работу, на хорошую должность, не связанную, однако, с материальной ответственностью. У Рудака были хорошая хватка и мощный ум аналитика, а кроме того, их многое связывало. Алексей определил старому другу неплохую твердую зарплату и при этом перестал допускать к договорам, сделкам и финансовой отчетности. Федор с тех пор считался ценным для банка сотрудником, но уже без прежних возможностей и полномочий.

Жена Федора Тамара, дама компанейская, крупная во всех своих проявлениях, также была в числе близких смолоду Земцовым людей. Дружба мужчин сблизила жен. Они не стали закадычными подругами, но остались добрыми приятельницами. Общественница, заводила, хохотушка и умница, Тамара преподавала русский язык иностранцам. Работа ей нравилась, она хорошо знала свое дело. У нее вышло несколько учебников и монографий, ее ученики жили и работали во многих странах мира. По духу, манерам, представлениям о жизни Тамара была настоящим столичным профессором. Правда, и в ее жизни не

обошлось без проблем. Она долго тянула с защитой диссертации, несколько раз впадала в тяжелую депрессию. Бега Федора все же оставили свои отметины на ее натуре. В то время она очень переживала и за безопасность мужа, и за положение своей семьи в глазах общественности. Ей казалось позорным – убегать, скрываться, прятаться, жить в разлуке с семьей – словом, быть «не как все». Тамара была человеком властным, удачливым и от членов своей семьи также ожидала успехов и побед. Все это вместе – властность, чрезмерная требовательность, высокая самооценка и уверенность в причитающихся ей от общества, но недоданных привилегиях, – все это привносило в ее характер замашки капризной барыни. Но в хорошие времена компанейское начало в Тамаре брало верх, и она становилась центром и душой любой компании.

Собственно, благодаря Рудакам Земцовы и попали в Амбуаз. Новогодний бал в замке стоил триста пятьдесят долларов, и это было совсем недорого по московским понятиям. Например, провести новогоднюю ночь в Большом театре в Москве, что считалось новинкой сезона, стоило тысячу долларов на одного человека. Их друзья, и не только Рудаки, а и другие члены их компании, не потянули бы такие траты. Потому-то, следуя за всеми, Алексей с Юлией и оказались в новогоднюю ночь в этом необычном, но таком очаровательном месте.

Вся компания давно не виделась. Семьи были с детьми, малыми и большими. Это действительно походило на пикник с чадами и домочадцами, только не на берегах Москвы-реки, а на берегах Луары.

Дорога на Амбуаз пролетела незаметно, они не успели даже обсудить все новости, успехи детей и заботы дам. Все были оживлены и веселы. Многие, как и Земцовы, собирались продолжить после Парижа свой отдых в южных широтах. Но на Антилы летели, разумеется, только Юлия с Алексеем.

Дела этих людей были понятны друг другу, и не только мужчины, но и их жены чувствовали некое корпоративное единство. Год оказался для всей компании не самым плохим. Про отречение от должности президента, случившееся 31 декабря и испортившее новогоднюю ночь российской бизнес-элите, они даже не услышали и узнали об этом только на следующее утро, вернувшись в Париж. Так что их праздник в этой «французской глуши» ничто не омрачило. Ничто и никому – кроме Юлии…

К шести часам вечера, разряженные в карнавальные костюмы, стали появляться гости замка. Кроме группы российских банкиров у автобусов, отправлявшихся в замок, собрались разноязыкие граждане из многих стран. К счастью, Юлия с Ксюшей все успели. Им надо было привести в порядок, подгладить и, главное, правильно надеть привезенные из Москвы костюмы.

Мать с дочерью были совсем непохожи внешне. Ксения уродилась в отцову породу и только цветом волос походила на мать. Сейчас это была крупная, чуть неуклюжая девочка-подросток, этакий гадкий утенок. От хорошенькой беленькой Ксюши, какой она была в раннем детстве, не осталось и следа. Костюм ей не нравился, она не любила ходить в юбках и с большим удовольствием переоделась бы во что-нибудь более привычное – например, в джинсы и кроссовки. Но отец с матерью настаивали на маскараде.

– Ксюша, я потратила столько времени и средств на твой костюм, он сшит специально для этой ночи, и ты не можешь его не надеть, – вспылила наконец Юлия, когда споры перешли в опасно-конфликтную фазу, хотя обычно умная мать старалась избегать нотаций.

– Так принято, моя дорогая. Женщина должна уметь носить длинное платье, – добавил, как припечатал, отец.

– Да ты че, ты в нем будешь такая крутая, – то ли смеялся, то ли ободрял ее Пашка.

В конце концов под общим семейным напором Ксения сдалась. Франция была для нее незнакомкой, с которой она хотела сойтись поближе, подружиться. Поэтому делать было нечего – пришлось пойти на жертвы.

Родителям она показалась в этом костюме прехорошенькой, платье было бело-розовым, с рукавами-буф и пышной юбкой. Белизну нежной девичьей шеи подчеркивали красные бусы. Головной убор из красного бархата делал ее лицо более интересным. И Ксюша вдруг сделалась в этом наряде такой свежей, такой юной пышкой, такой невинной соблазнительной дурочкой, что у отца сжалось сердце, когда он увидел всю ее прелесть.

– Да, дела будут, – сказал он, критически оглядев своих дам.

– Вы обе красавицы, – произнес галантный Павел.

– Мужчины в нашей семье тоже ничего, – откликнулась мать. И, смеясь, добавила: – Все-таки я тебя немного воспитала, научила говорить комплименты. Слава богу, мне за тебя не будет стыдно.

– На выход, на выход! Опаздывать неприлично, – поторопил всех Алексей.

И триумфальное шествие началось. Юлия решила сразу пойти в босоножках, которые она купила к своему костюму в Москве. Несмотря на шпильки в десять сантиметров и тяжелую юбку со шлейфом, двигалась она легко. Около автобуса она сгребла шлейф в руки и задумалась: как же пройти, ведь ступеньки высокие, дверь узкая, а внутри юбки обруч… Это была милая и смешная сцена, ей помогала вся группа. Но Юлия была такая очаровательная, живая и тоненькая, что маленькая заминка не могла вызвать никаких упреков. Может, что-то обидное, сердясь из-за задержки, пробурчали немцы, но немецкого она не знала, а с шофером пошутила на своем французском с московским акцентом.

Праздник начался с парадного шествия, о котором их не предупредили заранее. Устроители высадили всех гостей у дальнего входа, перед крепостным валом. И разряженной толпе пришлось пройти по длинной дороге – сначала по мосту над крепостным рвом, а потом по вымощенной булыжником тропе, которая поднималась круто вверх к сторожевой башне на горе. Мокрые камни от холодного ледяного дождя сделались скользкими, на шпильках по ним можно было прогуливаться только в сухую погоду.

– Раньше здесь, конечно, ездили только на лошадях или в каретах – всадники, рыцари, вассалы, гости… – посетовала вслух Юлия, а дочь, которая тихо сопела рядом, с иронией заметила:

– Да уж, мамочка, это только крестьяне пешком ходили. Вот она, ваша хваленая демократия. Пробежка на каблуках в платье со шлейфом.

Внутри замка идти оказалось не намного легче. Круглая винтовая лестница в башне была узка и крута, высокие каблуки неустойчивы, и Юлия с Ксюшей тихо ойкали, но тащили свои тяжелые юбки, качаясь на шпильках с завидным упорством.

Наконец, едва переводя дух от напряжения, они вошли в зал. Это было поистине королевское помещение, достойное сердце замка со всеми его анфиладами, галереями, террасами и садами.

В огромном пространстве парадного зала были накрыты длинные столы с хрустящими льняными скатертями. Красный кирпич стен и белые каменные стрельчатые своды высокого потолка придавали ему торжественный и сказочный вид. На столах сверкала дорогая посуда. Множество цветов, изысканные салфетки завораживали взор. В большом камине потрескивали дрова. Играла тихая музыка, и Юлия подумала, что так, должно быть, звучат виолы и лютни.

Они нашли свой стол, заказанный на всю московскую команду человек в двадцать. На тарелках лежали карточки с именами. Юлия отыскала свое имя рядом с мужем, дети, как и полагается, были определены по бокам от родителей. «Ну что же, это хорошо, что мы вместе, и хорошо, что мой муж мне не надоел», – мелькнула у нее в голове шальная, нежданная мысль, и Юлия чуть заметно улыбнулась уголками губ.

Еще через мгновение она почувствовала, что в этом зале действительно витал дух блестящих и великолепных празднеств, которые устраивались в честь европейских королевских особ. Суета официантов была незаметной. У всех, даже у детей, оказались вдруг наполнены бокалы, и праздник начался. Каждое блюдо подавалось особо. В зал входил мажордом. Ударял об пол жезлом. Появлялось блюдо на огромном подносе, и его название громко объявлялось на разных языках.

– Фуа гра, – провозглашал мажордом.

– Перевода не требует, но добавлю от себя – всемирно известное французское блюдо из гусиной печени, – комментировал переводчик с интонацией старинного уличного зазывалы, и гости вновь принимались за трапезу.

Еда оказалась на редкость добротной и качественной. Рыба, устрицы, мясо – на выбор, птица, фрукты. Гвоздем программы стал фазан. Его вынесли на огромном блюде, украшенном не бумажным плюмажем, а настоящими павлиньими перьями, которые свисали до пола.

Примерно через полчаса после начала трапезы, когда все утолили первый голод, появились актеры. Они изображали короля Франциска I, королеву Клод и свиту. Король с королевой открыли бал, большинство гостей встали с мест, чтобы торжественно пройтись в танце под старинную музыку. Юлия с Ксенией великолепно смотрелись в своих костюмах. По сравнению с публикой, которая взяла реквизит напрокат, они выглядели по-настоящему роскошно – так, словно и родились здесь, в этом пышном замке.

Увлеченная старинным танцем, Юлия сначала даже потеряла своих из виду. Потом увидела поверх незнакомых голов Алексея, чинно танцующего с Тамарой. При своей крупной, дородной фигуре даже он выглядел мелковатым рядом с женой своего старого друга. Тамара как-то еще более раздалась за те полгода, что они не виделись, погрузнела, заматерела. Они беседовали, у Алексея лицо сделалось хмурым и озабоченным. Уловив взгляд Юлии, он помахал ей рукой и продолжил беседу с Тамарой. «Ну вот, старые песни о главном, – подумала Юлия. – Она опять чего-нибудь просит для мужа, хотя, кажется, Лешка для него сделал максимум… Да, у Тамары хватка бульдожья. Надо выручать Алексея». И Юлия устремилась к паре, которая двигалась в собственном медленном танце посреди организованной для старинного котильона публики.

Как только Юлия пошла к центру зала, к ней ринулись молодые ребята (как позже выяснилось, студенты из Канады) и попросили разрешения сфотографироваться с нею, поскольку им очень нравится ее костюм. Потом ей преградила путь пожилая пара, немцы-пенсионеры, бывшие фермеры. У них была та же просьба. А еще дама попросила у Юлии разрешение пощупать ткань и выразила восхищение качеством имитации под старину…

– Я частное лицо, из Москвы, я такая же туристка, как и вы, – пробовала было объяснить Юлия, слегка ослепнув от фотовспышек, но ее никто не слушал.

– Пойдем, тебя спасет теперь только король Франциск со своей Клод, – услышала она голос сына.

– А где Ксюша? – В этой суете Юлия потеряла дочь.

– На террасе. Воздухом дышит.

– О боже, а горло? Там же холодно. Давай-ка гони ее быстро сюда и пойдем сфотографируемся все вместе с Франциском. А где папа?

– Вон он идет. Какой-то озабоченный и усталый. – И Павел указал на Алексея, который стремительно шел от входных дверей к своему столику. Юлии он показался не только озабоченным, но и серьезно расстроенным.

– Сколько там осталось до Нового года? Ты у нас командир, следи, чтобы не пропустить, – обратилась она к мужу. – А то я без Деда Мороза уже и забыла, по поводу чего у нас праздник.

– Не беспокойся, солнце мое, не пропустим. Это парадный бал в королевском замке, а не вечер в доме отдыха.

И при этих словах из дальнего угла парадного зала французского замка понеслось: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня…» Завели свое привычное братья-славяне со славной Украины.

– Ну что, полегчало? – при первых звуках песни громко спросил Алексей у всех сидящих за их столом. – Соскучились? Курантов и речи президента не хватает?..

Раздался дружный хохот.

– Шутки шутками, а все же привычнее, когда протокол известен и знаешь, чего ждать, – пожаловалась Юлия. – Куда опять пропали дети? Пойдем, сделаем снимок с Франциском I, а то никто в Москве не поверит, что мы здесь были. Да и платьице надо запечатлеть в соответствующем интерьере.

– А меня ты, выходит, искала тоже только для снимка в интерьере, – заворчал обиженно Алексей. – Вот всегда так. Мужчины только для сопровождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/oleg-roy/muzh-zhena-lyubovnica

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить